

Тема Мемнона запечатлена в огромном количестве изображений, преимущественно на керамике, начиная с VI в. до н.э.; основной массив вазописи с мемноновым сюжетом (Мемнон и Эос, Мемнон и Ахилл) приходится на V в. до н.э., но вплоть до конца античности он не исчезает из африканского репертуара в изобразительном искусстве (исследования, каталоги, альбомы по этой проблеме — Mveng, *op. cit.*, p.80, n.5).

Столь же популярной в изобразительном искусстве была другая гомеровская тема, посвящённая пигмеям (Hom. *Iliad.* III, 2–6), которая чаще всего встречается в вазописи (Mveng, *op. cit.*, p.81), но представлена и в скульптуре⁵⁹.

Негры как персонажи греческого изобразительного искусства, достаточно многочисленные в огромном художественном наследии античности, давно привлекали внимание исследователей, которые не только собрали все изобразительные объекты, посвящённые эфиопам, но и установили аутентичность различных типов негров в изобразительном искусстве греков (среди этих работ наиболее фундаментальны книги Лёвенхерца, Коллинсона, Бердслея, Сноудена, Мвенга; в двух последних имеются и библиография по проблеме, и отсылки к необходимым изданиям изобразительных памятников и музейных собраний⁶⁰). Изучение типов африканцев, изображённых в античном искусстве, показало, что они в целом соответствуют (с поправкой на условность изобразительного языка и особенности различных изобразительных стилей) существующим ныне в Африке; причём идентифицируются антропологические типы из центральной, восточной и западной Африки. Другой важнейший пласт информации, заключённой в изобразительном материале, — это свидетельства, относящиеся к сфере социального статуса эфиопов в античном мире (кроме мифологических персонажей и легендарных героев здесь изображаются жрецы, актёры, рабы, музыканты, государственные деятели, женщины, дети и др.). Всё это придаёт этой группе невербальных источников чрезвычайно большое значение в разработке заявленной темы.

2. ЭТАПЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ОБЪЁМА ЗНАНИЙ ОБ АФРИКЕ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Как показывает предыдущая часть раздела, тема «Чёрной» Африки в античных источниках представлена достаточно широко начиная с самого первого греческого письменного памятника — гомеровских поэм, а знакомство с Африкой восходит ещё к доантичной эпохе. Одновременно глубина и объём реальных знаний о странах чернокожих автохтонов континента были неравноценными в разные исторические периоды существования античности: долгое время они имели выраженный мифологический харак-

тер (хотя и имели в своей основе конкретные сведения о предмете) и лишь в дальнейшем приобретали всё большую отчётливость, что находилось в прямой зависимости от расширения этнокультурных контактов этих двух соседних регионов Старого Света.

Задача этой части работы — наметить в первом приближении ход процесса увеличения знакомства с глубинными районами Африки, как он предстаёт при анализе корпуса источников, с тем чтобы по мере необходимости вернуться в соответствующих местах исследования к более систематическому рассмотрению выделенных здесь принципиальных проблем. Представляется, что неизбежные при таком методическом подходе возвраты к уже обсуждавшимся вопросам оправдываются возможностью дать более выверенные выводы и заключения.

В начале предлагаемого источниковедческого экскурса логично затронуть имеющую кардинальное значение проблему значения терминов ЭФИОП и ЭФИОПИЯ (с тем чтобы впоследствии вновь вернуться к её подробному рассмотрению).

Античные и современные лексикографы единодушны во мнении о том, что корень этого термина представляет собой композит от слов αἴθω и ὤψ, означающих буквально [человек] с «обожжённым [солнцем] лицом»⁶¹.

Кроме термина ЭФИОП — αἰθίοψ, αἰθιοπέυς, впервые зафиксированного у Гомера (Iiad. I, 423), в источниках используется также термин ЭФИОПИЯ — Αἰθιόπῃα (Quintus de Smyrne. Posthomerica, II, 32), Αἰθιοπία (Strabo XVII, 825), Αἰθιοπία (Herod. II, 30), а также термины ЭФИОПКА — αἰθιοπήϊς⁶², ЭФИОПСКИЙ — αἰθιοπικός (Herod. II, 86; Strabo XVII, 821), ЭФИОПКА — Αἰθιοπίς (Strabo XVII, 768), Αἰθιόπισσα (Num. XII, 1), ЭФИОПСКИЙ ВЫГОВОР — αἰθιοπίζων (Heliodor. X, 39) и другие формы (на аттическом или ионическом диалектах) и производные.

В слове «эфиоп» выражается идея «не-белого» человека. Этимология его греческих синонимов позволяет видеть в нём смысл некоей особой окрашенности кожи, в самом общем виде — смуглости, красноватости, цвета обожжённой кожи, земли, тёмного вина. Его сближают с определением μαυρός, μαῦρος — «чёрный» (в совр. греческом языке — «чёрный, негр» — обозначение красного вина), от которого образовано название страны Маврусия. Здесь имеется связь и со значением гомеровского выражения αἴθοπτα οἶνον — вино цвета тёмного пламени (Hom. Iiad. IV, 259).

При рассмотрении палитры цветовых обозначений, употреблявшихся у греков для описания оттенков цвета кожи, расположение их на цветовой шкале в порядке нарастания интенсивности смуглоты и вообще окрашенности кожи даёт следующий ряд: κελαϊνός (kelainos) (Iiad. I, 33 — чёрная кровь), ἐρεμνός (eremnos) (Iiad. XII, 375 — тёмный вихрь), αἴθων (aithon) (Iiad. XVI, 488 — тёмный красноватый бык), μέλας (melas) (Iiad. I, 300 — чёрный корабль, Odys. I, 423).

Здесь интересно отметить, что в палитре греков насчитывалось четыре основных фундаментальных семантически значимых цвета: белый — λευκόν, чёрный — μέλαν, красный — ἐρυθρόν, жёлтый — ὠχρόν. Об этом говорили такие греческие авторитеты, как Эмпедокл (Empedocles A 92 — FdV / Diels, I, p.172) и Демокрит, объяснявший, что эти цвета порождены взаимодействием космических элементов (Democrit. FdV / Diels I, p.372). Греческие воззрения на этот предмет хорошо согласуются с известным фактом наличия трёхцветной палитры основных цветов, свойственной всем культурам древнего периода существования человеческой цивилизации: белый, чёрный и красно-жёлтый.

Обозначения, расположенные рядом на цветовой шкале, в сопоставлении со словом ЭФИОП можно расценивать как описывающие разные оттенки кожи в одной тёмной гамме, свойственной людям из жарких стран — эфиопам. И наблюдения над античным узусом, и мнения большинства исследователей нового времени позволяют с уверенностью заключить, что этим термином греки обозначали негроидных африканцев, имевших разные оттенки тёмной и чёрной кожи. В приведённом ряду определений тёмного спектра цветов наиболее употребительным и самым интенсивно чёрным было слово melas, означавшее полную черноту (ср. τὸ μέλον — «чёрные чернила» (Plato, Phaedr. 276 C). При всех различаемых греками нюансах окрашенности кожи они, видевшие неоднократно эфиопов наяву, естественно, считали их чёрным народом. Ко времени Геродота количество информации об эфиопах было уже столь значительно, что греки очень отчётливо и с учётом тонких антропологических различий представляли себе разные типы эфиопов.

Гомер помещает эфиопов (как уже было отмечено) в стране на самом южном краю земли, на востоке и западе; точного описания цвета их кожи он ещё не даёт, эта информация выводится лишь из самого значения термина эфиоп, указывающего на обожжённость солнечными лучами. Страна эфиопов идеальна, а сами они — безупречные люди, приносящие гекатомбы богам и возлюбленные ими. Смутность представлений Гомера о местоположении Эфиопии, которая всё же, даже если мы недооцениваем точности его знаний, их мифологичность, подкрепляется историей Мемнона (Odys. IV, 84–89), царя эфиопов, который и Гомером, и другими авторами, помещается то на востоке, то на западе, считается то азиатом, то африканцем (Aeschil. Frg. 140 / Dindorf; Strabo XV, 728).

Мемнон — неперенный (как уже отмечалось) персонаж и у поэтов-кикликов, и у Гесиода; позднее отзвуки киклических разработок образа Мемнона различимы в произведениях трагиков. Во всей этой группе источников эфиопы, безусловно, чёрный народ. Во всяком случае, после Гомера и Гесиода знания греков о южных странах ойкумены значительно обогатились и расширились, о чём свидетельствуют известные периплы,

совершённые различными представителями восточно-средиземноморской цивилизации уже в VI в. до н.э., а с конца VII в. до н.э. присутствие греков на африканском материке в непосредственной близости к районам, населённым негрскими народами, подтверждается эпиграфическими документами вроде надписи греческих купцов в Абу-Симбеле.

С VI в. до н.э. множество греков населяли греческие города в Египте, где издревле были представлены не только белые, но и чернокожие автохтоны; в североафриканских греческих колониях, прежде всего в Киренаике, также было большое количество негрского населения — эфиопов.

Обозначая термином «эфиоп» всё небелое население Африки, греки тем не менее, судя по сохранившимся описаниям с множеством антропологически важных деталей, умели различать разные типы африканских негроидов, как обитавших в верховьях Нила и на востоке континента, так и жителей центральных районов южнее Сахары и западно-африканских автохтонов. Об этом свидетельствуют выводы современных исследователей, проанализировавших греческие изображения, на которых ими опознаны антропологические типы, характерные для районов Сенегала и Конго, наряду с кушитскими, восточно-африканскими и эфиопоидными расовыми типами⁶³.

В самой Греции уже с VI в. до н.э. было достаточно много эфиопов, чтобы в сфере обыденной психологии возникли устойчивые клише, основанные на обыгрывании их характерной антропологической приметы — чёрной кожи. Об этом свидетельствует творчество Эзопа, в XI басне которого из эзопова сборника, изданного в III в. до н.э. Деметрием Фалерским, описана история о попытке отмыть эфиопа добела, сокращённая впоследствии до чеканной формулировки популярной поговорки Αἰθίοπα σμήχων⁶⁴.

Во фрагменте Эсхила (fr.389 — Nauck) эфиоп описывается как абсолютно чёрный — μελανοστέρφων γένος.

В сочинении Геродота даются столь точные описания эфиопов, что не возникает и тени сомнения в их негроидной принадлежности. Эти описания встречаются во многих местах, например, много раз подчёркивается такая важная деталь, как курчавость эфиопов — II, 104; IV, 55; VII, 70; в последнем случае говорится, что они — самые курчавые из всех людей. Такой доминирующий в любой идентификации признак негров, как чёрный цвет, привёл Геродота к ошибочному преувеличению, когда он утверждает, что у них даже семя чёрное (III, 101; VII, 70). Другой африканский народ, малорослые пигмеи, которых встретили насамоны во время своего путешествия в Центральную Африку, также описываются Геродотом как чёрные (II, 32: χροῖμα δὲ μέλανας).

После Геродота, у Аристотеля и позднее у Арриана, эфиопы часто сравниваются с чёрными индийцами. Здесь отразилось не столько незнание, приведшее к настойчивому для долгих периодов античной истории

неразличению или смешиванию Эфиопии и Индии, сколько, напротив, хорошее знакомство с этими странами, схожими многими фаунистическими и флористическими реалиями, действительно одинаковым цветом кожи их жителей и, наконец, общей важной характеристикой — расположенностью на крайнем юге земли. И всё же греческие источники с V в. до н.э. идентифицируют эфиопов с негрским типом Африки.

Реальное содержание термина ЭФИОП (его антропологических характеристик и возможностей идентификации) неразрывно связано с выяснением реального наполнения понятия ЭФИОПИЯ.

Эфиопия, как показывает анализ источников, воспринималась как страна в Африке, населённая чернокожими эфиопами. Гомер располагает ещё довольно неясными сведениями, говоря о двух Эфиопиях — на востоке и на западе — и рисуя в целом сказочную страну (*Odys.* I, 22–26)⁶⁵.

Подобно тому, как в отношении Мемнона, царя эфиопов, в греческой традиции существовало две версии — об азиатском и африканском его происхождении, и об Эфиопии, её местонахождении, было две версии. Отзвуки древнейшей теории о двух Эфиопиях сохранялись в греческой литературе довольно долго. Гомер в рассказе о долгоживущих эфиопах (*Odys.* I, 22–26) говорит, что поселены они «двойко»: одни — на Западе, другие — на Восходе (там, где рождается Аврора). Часть античных авторов и новейших исследователей трактовали Гомера в том смысле, что все южные страны, населённые чернокожими людьми, он представлял себе как нечто единое, объединяя индийцев и африканцев.

В эпоху Империи, что следует из «Географии» Страбона, этот вопрос был уже окончательно разрешён, и эфиопов восточных и западных воспринимали уже не как азиатов (индийцев) и африканцев, а только как африканских автохтонов из южных областей. Западных эфиопов понимали как обитателей западного африканского побережья, а восточных — восточного побережья и глубинных районов континента, т.е. в эти века античность делала чёткое различие между чернокожими людьми Африки и Азии.

Однако это различие проводили многие авторы уже гораздо раньше. Так, Геродот решительно противопоставляет эфиопов выше Египта азиатским и приводит перечень конкретных признаков, позволяющих легко различать их (*Herod.* VII, 69–70). На той же точке зрения стояли Арриан (*Indica* 6, 8), Диодор (III, 8) и Страбон (II, 103). Но часть античных источников по-прежнему не различали эти две группы «эфиопов», продолжая традицию Гомера.

При том что вопрос о локализации страны эфиопов у Гомера в общем достаточно ясен и ответ на него содержится в Илиаде (*Iliad.* I, 423–425; XXIII, 205–207), где сказано, что эфиопы населяли крайние южные области земли на берегу Океана, всё же общая нечёткость гомеровских сведений и некоторые указания в других местах его поэм дают основания для сомне-

ний. В частности, пассаж в Одиссее (Odys. IV, 84–89) о странствиях его по миру даёт контекст, породивший споры толкователей. Одиссей перечисляет посещённые им народы и страны: «Видел я Кипр, посетил финикийян, достигнув Египта, // К чёрным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов; // В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы рождаются, // Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают; // В той стороне и полей господин и пастух недостатка // В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют...» Попытки идентифицировать названные народы производились неоднократно: некоторые комментаторы полагали, что эрембы также были чёрными эфиопами и читали это имя ἔρεμνούς (тёмные, чёрные) (Кратес). Византийские учёные полагали, что эрембы — это арабы. О сидонянах более единодушное мнение: они — финикийцы, основавшие в Северной Африке свои города Карфаген и Ликс. Однако предлагаемое на этом основании мнение, что и эфиопы мыслились в этом месте у Гомера как жившие вместе с этими выходцами из Азии где-то в Северной Африке, вряд ли может быть всерьёз принято⁶⁶. Представляется, что именно контекст даёт возможность не сомневаться в том, что Гомер помещал эфиопов именно южнее Египта (названы эфиопы после Египта неслучайно), а его визит в Ливию (причём это имя здесь использовано Гомером именно в его узком значении — северное побережье Африки, а не весь континент) отнесён в перечислении в самый конец ряда, где и даётся картина благоденствующей ливийской (т.е., североафриканской) земли, как её традиционно описывали античные авторы.

В связи с вопросом об азиатских и африканских ливийцах заметим, что античная историко-этнографическая традиция приписывала им общих предков (Ioseph. Flav., Antiquit. Iud. I, 6, 2), но при этом чётко различала индийцев и эфиопов.

Ктесий (V–IV вв. до н.э.) в сочинении об Индии, не говоря специально об Эфиопии, а рассуждая об эфиопском животном — крокоте, говорит, что он более вытянут в длину, чем индийский⁶⁷.

У Арриана⁶⁸ чётко различаются Индия и Эфиопия, помещаемая в верхнем течении Нила (6, 6, 8). Большинство античных авторов помещают Эфиопию в областях Верхнего Нила или в районах его истоков (Aeschyl. Prom. vinct. vv. 808–812; fr.304 / Nauck).

Геродот под Эфиопией понимает всю Чёрную Африку; она расположена выше Египта, начинаясь от Элефантины (II, 8, 29, 146), простирается вплоть до Красного моря (III, 17). Эфиопия — край ойкумены (III, 25), самая южная часть земли (III, 114).

Диодор располагает Эфиопию в верховьях Нила и на его островах, а крайние её границы простирает до Аравии на востоке и средиземноморского побережья Ливии на севере (III, 8).

В описании своего путешествия Агатархид говорит о двух Эфиопиях в Африке: в районе Верхнего Нила и на побережье Красного моря и на западном побережье Африки (GGM I, 117 sqq., n.10, 22, 30, 50).

В комментарии к гомеровским свидетельствам об Эфиопии у Страбона (I, 29; XVII, 768; 785; 788; 815) границы Эфиопии очерчены от Египта на севере до Океана, а от Океана эта страна простирается до Мавретании на западе континента; кроме того, Страбон в связи с этим описывает конфигурацию всего материка и место в нём страны эфиопов.

Ту же конфигурацию Африки даёт Помпоний Мела, причём его Эфиопия занимает всю центральную и южную часть материка и простирается с востока на запад, от океана до океана. В своём описании материка он помещает Эфиопию в ряд выделяемых им в Африке историко-географических зон: «северной части Африки мы дали название Ливия, к югу от неё — Эфиопия, к западу — Атлантика. Область напротив Ливийского моря, от Нила протянувшаяся, образует провинцию по названию Киренаика; далее идёт (к западу) район по имени Африка; остальное пространство занимают нумидийцы и мавры. Мавры населяют территорию вплоть до побережья Атлантического океана, ниже (южнее) них живут нигриты и фарусии, достигающие эфиопов. Страна же эфиопов простирается вплоть до границы с Азией и на юг» (Pomp. Mela I, 4).

Саллюстий в описании западного побережья северной Африки и напротив лежащего южного региона размещает эфиопов к югу от мавров и гетулов (Sallust. Bellum Iugurth. XVII–XIX). Иосиф Флавий помещает эфиопов иногда по всей Африке (Antiquit. Iud. I, 6; II, 5; X, 11, 1), иногда — по соседству с Египтом (ibid., II, 10).

Ближайшие южные соседи Египта — Напата и Мероэ — библейская страна Куш (египетское по происхождению имя которой встречается впервые в надписи Сесостриса III) — античной традицией включались в состав стран эфиопов.

Если попытаться обобщить ход становления карты античной Эфиопии и выделить в ней основные этапы, получим следующую картину. Гомер и гомериды понятиями «эфиоп», «Эфиопия» обозначали обитателей всего «чёрного» мира, включая сюда и чернокожих азиатов (прежде всего индийцев). В период между Гомером и Геродотом происходит уточнение понятий. У Ксенофана, Эзопа, Эсхила и других авторов VI — начала V вв. до н.э. термин эфиоп означает уже (благодаря более точному описанию антропологического типа, куда входит не только признак цвета кожи, но и другие важные характеристики) исключительно негроидов Африки. Начиная с Геродота все греческие авторы различают при сравнении «эфиопов» африканских и азиатских, опираясь на хорошее знакомство с африканскими эфиопами и привычность их физического облика.

Локализация страны эфиопов у Гомера может быть охарактеризована как неотчётливая, полностью отвечающая модели мифической географии и являющаяся её составной частью, символизирующей крайний южный предел ойкумены. В послегомеровское время, у поэтов-киклик и трагиков, Эфиопия помещается в районе истоков Нила, в разных (в соответствии с локализацией истоков Нила) местах внутри континента. Начиная с Геродота Эфиопия помещалась в глубинных районах Африки южнее Сахары, а весь континент представлялся разделённым на две части: на севере жили белые ливийцы, а на юге — чёрные эфиопы.

Позже Диодор, Агатархид, Страбон, Помпоний Мела с углублением знаний о континенте давали всё более достоверную картину положения Эфиопии. Помпоний Мела, отражая воззрения I в. до н.э., разделяет всю Африку на Египет, Эфиопию и Ливию, относя к Эфиопии всю негрскую часть.

Процесс познания мира является не только прерогативой научного знания и относится не только к эпохе возникновения науки, но протекает изначально и в «донаучные» эпохи. У Гомера зафиксированы итоги этих архаических времён в истории античной цивилизации. Но, кроме того, являясь зачинателем греческой литературы и поэзии, Гомер был и первым учёным, в произведениях которого обнаруживаются зачатки греческой истории, географии и других областей интеллектуального творчества античности.

У него представлена цельная синтетическая картина известного мира. Разумеется, способ миропознания и миропонимания у Гомера и его современников ещё таков, что создаваемая ими картина мира, пока хаотичная и легендарная, иногда выглядит как беспорядочная смесь народов, языков и стран с плохо различимыми границами между ними. Поэтому реконструировать гомеровскую картину мира оказывается непросто. Но иногда в этой задаче оказывают помощь античные комментаторы Гомера, всегда испытывавшие интерес к тем немногим и хорошо известным местам его поэм, где речь идёт об Африке и её обитателях.

Все комментаторы Гомера верифицировали его сообщения с позиций знаний своего времени, опираясь на современные им авторитеты⁶⁹.

Место Африки в гомеровской картине мира было достаточно велико⁷⁰. Она занимает третью часть обитаемого мира, однако, опираясь на текст самого Гомера, реконструировать картину реальных географических представлений в эпоху архаики довольно трудно. Это обусловлено самим качеством (отрывочностью и неясностью) и объёмом (чрезвычайно малым) его данных, которые в совокупности можно охарактеризовать как набор некоторых достоверных (но разрозненных) и недостоверных реалий. Среди фактологически достоверных сведений Гомера — Нил, Египет, Эфиопия и Ливия, вокруг которых — воды Океана. Ему прекрасно известны Египет (Odys. XIV, 217–258; 351; 355), Фивы с их великолепными зданиями (Iliad.

IX, 382; *Odys.* IV, 126), Нил, имя которому Река Египта (*Odys.* XIV, 257). Он восхваляет египетских лекарей, излечивающих с помощью растений своей страны — ядовитых и целебных (*Odys.* IV, 230), на поиск которых отправляется Елена.

Гомеру известна плодородная Ливия (в узком значении — северная часть Африки), где овцы трижды в году дают приплод (*Odys.* IV, 84–89). Гомеровский Менелай путешествует в страну эфиопов, чёрных людей, о которых Гомер знает, что они живут на берегу Океана, на двух противоположных концах крайней земли — на восходе и закате солнца (*Odys.* I, 22–26). Земля в целом у Гомера представляется плоским диском, вокруг которого течёт Река-Океан, впадающая сама в себя, и на южном берегу которой живут эфиопы.

Таким образом, местоположение страны эфиопов, пусть и не вполне определённым образом, идентифицируется. Сложнее решается вопрос об аутентичности тех мест гомеровских поэм, где речь идёт об Африке, ибо задача установления времени их возникновения именно в эпоху Гомера, а не в более позднее время породила так называемый и очень сложно решаемый «гомеровский вопрос», по которому существует необъятная литература.

Несмотря на то, что многие гомеровские подробности об Африке не имеют однозначной интерпретации и могут таить в себе определённые загадки, всё известное об Африке у Гомера и общий контекст эпохи позволяют с уверенностью искать страну эфиопов в жарких южных странах на берегу Океана. Такая уверенность поддерживается и тем, что гомеровские герои обнаруживают тесную связь именно с африканским материком. Как справедливо отмечено современным исследователем⁷¹, «будучи жителями Средиземноморья, они чувствуют себя хозяевами Средиземноморья и знают его, и путешествуют в Египет, Ливию, далее — к стране эфиопов, которую любят и часто посещают их боги».

Даже не обладая точным знанием, Гомер и его последователи, в первую очередь поэты-кикликлы и трагики, знали верные ориентиры и направление, по которому следовало искать Эфиопию — в стране, где рождалась великая река Египта — Нил, т.е. только в Африке или на берегу Океана (Атлантического или Индийского, не важно, поскольку оба являлись водным пределом мира, сливаясь в Реку-Океан).

Не являясь собственно историческим документом в современном значении слова, гомеровские поэмы в каком-то отношении даже превосходят таковые по своей уникальной роли первого письменного свидетельства греческой цивилизации о характере и объёме её знаний о мире в начальные века I тыс. до н.э. Влияние Гомера на всех без исключения греческих авторов очень сильно и общепризнанно; авторитет его не умалялся даже самыми строгими последователями критического и рационалистического методов научного познания, не столько вступавшими с ним в полемику, сколь-

ко почтительно дополнявшими знаниями своего времени намеченные им африканские темы, занявшие прочное место в фонде античной культуры. У отца греческой истории Геродота во всех подходящих местах содержатся гомеровские ссылки или аллюзии: он вспоминает о странствиях в Африку Елены и Менелая (II, 116); говорит о Реке-Океане (II, 23); описывая плодородие и природные богатства Ливии, вспоминает гомеровскую зарисовку о ливийских ягнятах (IV, 29); описания долгоживущих эфиопов-макробиев с их чудесами — солнечным столом и источником молодости (III, 20 sqq.), а также их совершенства явно навеяны гомеровским образом страны возлюбленных богами совершенных эфиопов. Без комментариев Гомера не обошлись в своих африканских свидетельствах ни Диодор (Diodor. III, 1–3), ни Страбон (Strabo I, 6; 30; XVII, 784).

Что касается античной научной полемики с Гомером, то, вступая в спор с его временем и исправляя его заблуждения и ошибки по поводу самых различных материй и сюжетов, в отношении гомеровских свидетельств об Эфиопии наблюдается удивительное единодушие почти всех авторов, затрагивавших эту тему: они принимают его свидетельства целиком, видимо, как не противоречащие географической, исторической и культурной истине.

Анализ корпуса письменных античных источников по Африке показывает известную специфичность совокупности знаний греков и римлян по этой части мира в сравнении с их географическими, историческими и естественно-научными интересами в отношении других стран и народов. Здесь выделяются и обострённый интерес к африканской тематике, и особое отношение, окрашенное идеализирующими настроениями, а также явная притягательность этого континента в самые разные исторические периоды.

Одним из важнейших факторов, способствовавших особой притягательности Африки для греков, начиная с догреческой, ещё эгейской древности, несомненно, было само Средиземное море — колыбель античной цивилизации, ощущавшееся во времена всей античности «Нашим морем» (Mare nostrum), просто Морем — родным домом и одновременно дорогой, связывавшей их с остальным миром. Знаменитые любопытство и динамичность греков, бывшие причиной их неуёмного стремления к новым знаниям и путешествиям, их качества прирождённых мореходов и торговцев, а также склонность к изобретениям и искусствам, сочетание романтичности и рациональности — всё это воздействие Моря. Естественной для греков дорогой и было само Средиземное море, всегда обращённое и открытое к югу — Ливии, Египту, а далее — к сказочной Эфиопии.

Эта страна никогда не была тайной (даже оставаясь таинственной и экзотичной) для греческих авторов всех времён, что видно не только из научной исторической и географической литературы, но и из сочинений других

литературных жанров. При этом в неисторической литературе африканская тема также разрабатывалась с учётом современной исторической перспективы, что определяет то её качество источника, которое позволяет находить в ней рефлексы реального исторического знания своей эпохи.

Негрская Африка южнее Сахары для большинства европейцев оставалась неведомой начиная с эпохи греческой архаики и почти вплоть до конца XIX в. Между тем знания древних греков о глубинных районах Африки, полученные ими и от соседей, и в результате собственных путешествий, по объёму и содержательности сведений сравнимы, как ни парадоксально это звучит, с европейскими сведениями нового времени. Даже набор заблуждений и фантастических подробностей у греков и европейцев в эпохи до начала «открытия» Африки, носят удивительно похожий характер, а в фонде всех сведений о «Чёрной Африке» объём легендарных и сказочных известий в античном и европейском нового времени вариантах практически одинаков.

Знания об Африке и Эфиопии всегда занимали прочное место в общей картине мира, известного грекам. При этом особенностью греческой научной литературы можно считать её ярко выраженный универсальный характер, что проявлялось, в частности, в том, что любые описания или сообщения обо всей Африке или об отдельной её части всегда вводились в более широкий контекст повествования о мире в целом и его частях; описание африканского народа и его обычаев сопоставлялось, как правило, с подобным или контрастирующим случаем из другой части света или с греческим примером. Этот метод при всей разности каждого был присущ и Геродоту, и Агатархиду, и Диодору, и Страбону. Все они отражают уровень знаний и метод исследований своего времени, и для каждого из них характерен органичный универсализм в подходе к изучению африканских реалий. Другая объединяющая античных учёных авторов, обращавшихся к африканской тематике, черта — рационализация и критицизм, сказывавшиеся в отношении и к материалу, и к трудам предшественников.

Геродот, используя географические теории ионийцев и греков и их сведения о Египте, подвергает их рационализации и критике (II, 16; 20–23). Диодор опровергает выдумки некоторых своих предшественников об Эфиопии, известные ему по их сочинениям, но высказывает полное доверие Агатархиду Книдскому, Артемидору Эфесскому и рассказам информантов — египтян и эфиопов (Diodor. III, 11). Страбон также подвергает критике и анализу свидетельства своих предшественников, корректируя их с позиций знаний своего времени (Strabo I, II — passim; XVII, 789–790; 816).

Конечно, универсалистский подход, свойственный историческим писателям, не исключал наличия в некоторых произведениях одной центральной темы, которой автор уделял преимущественное внимание. Агатархид Книдский, рассуждая о великих греческих хорографах, отмечал, что Ликий

и Тимей трактовали о Западе, Гекатей и Василий — о Востоке, Диофант и Деметрий — о северных странах; сам же он будет рассуждать о Юге (Agatharch. in Phot., Patrol. Graeci CIV, 58–60).

В совокупности сведений о мире Африка в древнегреческой письменной традиции (при всей скудости источников) занимала привилегированное место; это характерно уже для Гомера, на которого ориентировались и все позднейшие авторы. В гомеровские времена об Африке в целом знали больше, чем о других отдалённых краях ойкумены. Например, ещё ничего не было известно о Британских островах. Даже во времена Геродота не знали ни дальнего Запада, ни глубинных районов Востока (Herod. IV, 45). Вместе с тем об Африке Геродот даёт множество сведений: он обсуждает вопрос о границе между Африкой и Азией; ему известно, что Ливия — материк, окружённый со всех сторон Океаном, за исключением побережья, граничащего с Азией (II, 8; 124; IV, 42; 45); у него достаточно материалов, чтобы предложить деление Африки на три зоны в соответствии с известными ему особенностями каждой из них и дать характеристику их обитателей (IV, 181–191).

Процесс увеличения информации об Африке и заполнения лакун в картине знаний о ней происходил непрерывно в течение всей античности; это позволяло вносить постоянные уточнения в содержание этих знаний по мере углубления знакомства с континентом. Одним из самых предпочтительных способов изучения Африки и накопления знаний о ней с первых эпох античности и до самого её конца оставалось непосредственное изучение страны и людей — автопсия, возможность которой возникала при совершении сухопутных и морских путешествий и экспедиций, частота которых со временем постоянно увеличивалась. Свидетельствам очевидцев — автопсиям — греческие исследователи Африки отдавали явное и понятное предпочтение; это давало уверенность в достоверности получаемых сведений (хотя и опосредованные данные, требующие верификации, по-прежнему широко привлекались для получения новых сведений).

В античных «африканских» источниках автопсий встречается достаточно много. Цель получения непосредственных данных на месте (или по крайней мере в максимальной приближенности к интересующим местам, в частности к трудно достижимой Эфиопии) заставляла многих античных историков изыскивать все возможности посетить Африку лично. И нередко авторы дошедших до нас географических и исторических трудов были в Африке, и сведения их — достоверные впечатления очевидцев. С исследовательской целью предпринял в своё время путешествие по морю вдоль берегов материка Полибий (Polib. III, 38, 1), побывали в Африке и Геродот, и Страбон, и Диодор — наиболее важные для античной «африканистики» авторы.

Установление автопсии для тех или иных свидетельств не всегда простое дело, поскольку не всегда авторы сообщают о ней (или дошедший памятник по той или иной причине утратил это авторское признание). В случаях же, когда точно известно, что некое свидетельство получено в результате автопсии, ценность его неизмеримо повышается в силу достоверности известия, даже при неверной интерпретации сообщаемого. Особенно многочисленные случаи автопсии связаны с Египтом, что вполне понятно и по причине давних греко-египетских связей (в результате которых путь в Египет был хорошо освоен с глубокой древности), и в силу наибольшей приближенности этой страны Африки к глубинным областям античной Эфиопии и наличия тесных и регулярных контактов между этими двумя регионами.

Так, Геродот сам сообщает, что был в Египте, много там видел, и путём расспросов — ἰστορίη — получил множество сведений и по Египту, и по другим отдалённым областям Африки; были там и Страбон, и Диодор, которые предприняли путешествия вверх по Нилу, а также Агатархид, которому удалось проникнуть в гораздо более южные районы.

Не менее ценны сведения (которые многие исследователи приравнивают к автопсиям), полученные от путешественников — греков или местных жителей Африки, от купцов, послов, жрецов храмов (в Египте принадлежавших к наиболее информированным людям, вообще хранителям информации разного рода), от солдат, участвовавших в походах в дальние глубинные районы Эфиопии, и т.п. Такого рода данных в источниках встречается достаточно много.

О своих египетских автопсиях Геродот говорит определённо и подробно: там ему удалось узнать об истоках Нила от египтян, ливийцев и греков (II, 28), а кроме того, он рассказывает о том, «что видел собственными глазами в Элефантине» (II, 29). Диодор, говоря о своих египетских источниках, называет Агатархида, Артемидора и жителей Египта, которые сообщили ему много интересного (Diodor. III, 11; III, 38). Страбон также пишет о том, что он видел, проходя по местности, и узнал о внутренней Эфиопии (XVII, 789; 825). Он дошёл до Сиены, а затем до самой границы Египта с Эфиопией вместе с отрядом своего друга Элия Галла, префекта Египта. В другом месте (XVII, 816) он рассказывает о посещении вместе с Элием Галлом храма Мемнона в Фивах. Агатархид Книдский вообще был жителем Египта; будучи наставником Птолемея Александра, он совершил около 104 г. до н.э. путешествие в Эфиопию, пройдя длинный путь вдоль Красного моря, где собирал материалы для своего труда о Красном море; в продолжении этой экспедиции он даже сумел выучить язык эфиопов⁷².

Чаще всего называемые в источниках автохтонные информанты остаются анонимными, но и при этом их сведения и для древних авторов, и для современных исследователей представляют особую ценность как

исторические свидетельства первостепенной важности. В случаях же, когда античный источник сохраняет имена информантов, эти данные можно считать особенно надёжными. Таких случаев встречается не так много, и, безусловно, они должны быть учтены при анализе конкретных текстов. Среди первых указаний на источник полученных сведений следует назвать известное сообщение Геродота, узнавшего много важного от ионийцев и карийцев, состоявших на службе у Псамметиха и живших в Египте (II, 153–154). В «Географии» Страбона названы такие легко верифицируемые имена, как Корнелий Галл (XVII, 819), Элий Галл и Петроний (II, 118; XVI, 780; XVII, 816 — Ael. Gallus; XVII, 819–821 — Petronius).

Все три названные Страбоном римлянина были первыми префектами Египта. Корнелий Галл (69–26 гг. до н.э.) был первым, занявшим эту должность после завоевания Египта Августом между 30–27 гг. до н.э. По происхождению Корнелий Галл принадлежал к аристократии, был всаднического сословия и в Риме был известен как лирический поэт и друг Овидия. В Египте ему пришлось подавлять постоянные волнения народов у южной границы страны. Во время одного из походов на Эфиопию Корнелий Галл, дойдя до Фил, воздвиг монумент местному божеству и Нилу и оставил трёхязычную надпись, сохранившуюся до нашего времени и датированную 17 апреля 29 г. до н.э. Кроме Страбона о нём сообщают также Светоний (Sueton. August., 66) и Дион Кассий (Dio Cass. II, 17, 1)⁷³.

Элий Галл известен меньше, несмотря на упоминания у разных авторов (Dio Cass. LIV, 5, 4; Plin. N.H. VI, 181) помимо уже названного Страбона, называющего Галла своим другом и товарищем и сообщающего о его экспедиции. Безусловно, он был первым префектом Египта, но даже его преномен точно не известен: Дион называет имя Гай, а Плиний — Публий. Его считают братом римянки Элии Галлы, жены Проперция Постума, который сопровождал Августа в экспедиции против парфян в 21 г. до н.э. В должности префекта Египта он организовал экспедицию против арабских племён, и как раз во время его пребывания в Аравии на римские укрепления в Фиваиде напали отряды эфиопов, которым оказал решительное сопротивление Петроний, о чём сообщает Страбон (XVII, 819–820).

О третьем префекте Египта Гае Петронии писали также Дион Кассий (Dio Cass. LIV, 5, 4) и Плиний (Plin. N.H. VI, 181). Его управление страной отмечено массивными работами по очистке нильских каналов и устройством дренажей для улучшения урожаев в долине Нила (Joseph. Flav., Ant. Iud. XV, 9, 2). О военной экспедиции против эфиопов подробно пишет Страбон (XVI, 779; 819–821). Он даёт подробное описание маршрута, вводит разного рода сведения об образе жизни, политической и военной организации эфиопов, приводит некоторые характеристики, заставляющие вспомнить описания эфиопов в древней греческой традиции — у Гомера и Геродота. Речь идёт об отмечаемой Страбоном такой высоко ценившейся

античным миром черте, считавшейся даром богов, как свободолюбие и независимость эфиопов. О том же с уважением говорил Геродот в описании истории Камбиса (III, 17–25), который не сумел покорить свободолюбивых эфиопов.

Экспедицию Петрония против эфиопов датируют временем между 24 и 22 гг. до н.э. Диодор, комментируя неуспех похода Петрония, подчёркивал свободолюбие эфиопов, традиционно рассматривая это качество как дар богов и напоминая, что этот народ не отдал своих свободы и независимости ещё во времена Камбиса и Семирамиды (Diodor. III, 2–3).

О надёжности многих сведений, полученных античными авторами в результате опросов очевидцев — греков, египтян, эфиопов, ливийцев и др., можно судить по тому факту, что рассказ Геродота о греках-переводчиках, живших в Египте при Псамметихе (II, 154), находит убедительнейшее подтверждение в тексте надписи из Абу-Симбела: «Эти строки высекли участники плавания сына Псамметиха Теокла во время экспедиции царя Псамметиха в Элефантину. Они прошли из Ker-Kis в верховья реки столь далеко, насколько позволило течение. Potasimpo командовал иностранцами, Amasis — египтянами. Написал это Архон, сын Амойбиха, вместе с Пелеком, сыном Удама»⁷⁴.

Свидетельства очевидцев, среди которых были и греки, и римляне, как путешественники, так и жившие в Африке, а также информанты-автохтоны, дают документальное подтверждение и представление об обществе и уровне культуры своего времени. Среди источников автопсий — люди разной информированности и различного социального статуса, в большей или меньшей степени причастные эллинской культуре, что определяло и качество, и содержание сведений (здесь были и высокие административные чины, и интеллектуалы — учёные и писатели, и представители низких социальных слоёв — солдаты, купцы, жрецы и рабы). Однако эта пестрота (социальная, культурная и этническая) обеспечивала то разнообразие получаемых сведений о негрской Африке, которая позволяет составить более полное представление и о ней самой, и об уровне и характере «африканских» познаний античности.

Наибольшее количество автопсийных свидетельств сосредоточено, что естественно, в произведениях тех литературных жанров, которые представляют отчёты о путешествиях по суше и по морю, т.е. в периегезах и периплах.

Периегезы (или периоды — *περίοδος*) и периплы означали объезды или опыльвы земли и их описание, иногда сочетая в себе оба способа путешествия. В сочинениях этого рода содержатся сведения о привычных для греков и любимых ими странствиях и путешествиях в Египет, Малую Азию, Великую Грецию и на юг от Крита в направлении постоянных ветров и морских течений — к ливийскому побережью. Эти экспедиции совершались с

разными целями: ради удовлетворения любознательности, в коммерческих интересах, для выполнения научных задач описания мира и составления карт обитаемого мира и морских навигационных руководств.

Произведения этих жанров сохранились в небольшом количестве; можно предположить, что при известной широкой распространённости практики путешествий, их было несравнимо больше, чем нам известно. Разнообразие содержания этих описаний видно при сравнении мифологических повествований Гомера о древнейших путешествиях и периплов вокруг Африки Нехо и Сатаспа, описанных Геродотом. Другие путешествия известны из сохранившихся бортовых журналов мореплавателей, официальных отчётов о морских и сухопутных экспедициях или по пересказам других авторов. Проблемы их достоверности решены далеко не всегда, и полемика об их аутентичности и точности передачи их содержания в других сочинениях, а также о соотношении сохранившихся кратких и распространённых версий ведётся специалистами десятки лет⁷⁵. Но даже если Перипл Ганнона, о котором спорят по поводу датировки, интерпретации и идентификации, выглядит достаточно противоречивым, всё же значение этого документа для древних периодов истории средиземноморских культур и Африки трудно переоценить (GGM / Müller I (Paris, 1955), p.1–14).

Относительно же подлинности Перипла Эритрейского моря, описывающего побережья Восточной Африки, никто из исследователей не высказывает ни малейших сомнений⁷⁶. Датированный началом II в. н.э., этот перипл завершает традицию древних оплывов и является последним памятником этого литературного жанра.

Однако между древнейшими периплами и последним были ещё другие оплывы Африки: только в V–IV вв. до н.э. морские походы вдоль берегов континента совершали Скиллакс Кориандский, Офел и Эвтимен. Перипл Скиллакса был широко известен⁷⁷ и часто цитировался античными авторами (так, видимо, и Геродот (IV, 44) цитирует Скиллакса). Датировку же его экспедицию разные учёные по-разному: от 510 г. до н.э. (Якоби) до 350 (Каркопино) и даже 338 (Мюллер) гг. до н.э.⁷⁸

Аллюзия на перипл Офела содержится у Страбона (Strabo XVII, 3, 3), который относит его оплыв к каким-то неопределённо ранним временам; путешествие же Эвтимена датируют 328–321 гг. до н.э.⁷⁹

Затем хронологически следует Перипл Эвдокса из Кизика, совершившего объезд Индийского океана и достигшего крайней южной оконечности Африки (мыса Доброй Надежды). Об этом путешествии знали Страбон (Strabo II, 3, 4) и Посидоний (FHG / C.Th. Müller (Paris, 1874), vol. III, p.245–296).

К этому же жанру относится позднее и плохо датированное (видимо, написано оно в конце эпохи Римской империи) сочинение *Stadiasmus Maris Magni*. В нём содержатся сведения о средиземноморском побережье Африки

с указанием расстояний между городами и населёнными островами; о глубинных районах континента здесь ничего не сообщается, но зато в этом перипле показано умение позднеантичных мореплавателей пользоваться долготными и широтными измерениями (GGM I, 427 sqq.).

Посидоний Апамейский упоминает также перипл Гераклида Понтийского, совершившего своё путешествие во времена Гелона Сиракузского (492–472 гг. до н.э.) и относящееся, следовательно, к эпохе великих морских приключений Ганнона и Сатаспа (Posidon. Apam.: FHG / Müller III, 245 sqq.; FGnH / Jacoby II A, n.87).

Среди сухопутных путешествий, нашедших отражение в письменных источниках, нельзя не назвать важное для V в. до н.э. путешествие насамонов вглубь Африки через пустыню (Herod. II, 32), а также экспедицию через пустыню с фарусиями, описанную Страбоном (Strabo XVII, 828), военный поход Петрония в Нубию в 22 г. до н.э. против Кандаки, сидевшей в Напате (Strabo XVII, 819–821), и поход Корнелия Бальба, преследовавшего гарамантов, в 19 г. до н.э. через пустыню и горы Атласа (Plin. N.H. V, 36; и аллюзия у Вергилия (Aeneis. VI, 795): *super et Garamantas et Indos proferet imperium*).

Все названные и другие произведения жанра перизегез и периплов важны помимо уникальности их сведений о странах и людях Африки ещё и тем, что в них содержится почти полная сводка тех путей в Африку, которые были известны и которыми пользовались в древности: это и морские дороги вдоль берегов континента, и речные экспедиции в поисках истоков Нила, дороги через пустыню по древним африканским караванным путям и др. Овладение этими дорогами позволило грекам и римлянам проникать во многие районы континента — от побережий на востоке и западе — до областей в верховьях Нила, присахарских и транссахарских, удалённых и труднодоступных, районов Ливии, не говоря уже о давно знакомом средиземноморском побережье и примыкающих к нему районах.

Узнавание и освоение глубинных районов континента, заселённых негрскими народами, было всегда затруднено для греков уже по причине природной специфики — географических особенностей и климата. Преодоление огромной пустынной зоны между узкой полосой средиземноморского побережья, освоенного на рубеже II–I тыс. до н.э., было труднейшей задачей, которая вынуждала греков оставаться на морском берегу, предоставив осуществление контактов с субсахарской Африкой (в том числе столь важную функцию, как торговые обмены) автохтонам — гарамантам и другим ливийцам, которые прекрасно знали существовавшие с глубокой древности транссахарские пути на юг и легко выдерживали длительные переходы по раскалённым пескам, используя известные им водные источники на пути в суданские области южнее озера Чад и юго-западные районы континента.

В области Красноморья и Восточной Африки вёл путь речной, по Нилу, из южных районов Египта вверх по течению реки — к её истокам.

Уже Геродоту были известны оба эти основные пути, по которым можно было попасть в страну эфиопов. Будучи в Египте, он достаточно подробно узнал о маршруте в Эфиопию: его длительности и основных этапах пути. Дорога в страны чёрных начиналась в Элефантине, откуда плыли до острова Тахомпсо и далее к «озеру эфиопских номадов» — всего четыре дня пути по Нилу; затем необходимо было пройти сорок дней пути по сухопутной трассе, когда Нил несудоходен; после этого начинался двенадцатидневный путь на судах по Нилу до Мероэ; наконец, от Мероэ до области эфиопов-автомолов оставалось ещё пятьдесят шесть дней пути (Herod. II, 29–30). Страна автомолов была уже границей известного мира, а весь путь от Элефантины до края земли вверх по Нилу занимал около четырёх месяцев (или, по данным Геродота, 112 дней). При обычном расчёте — 29–30 км в день — этот маршрут составлял примерно 1666 км по прямой.

Известен был Геродоту и один из транссахарских сухопутных маршрутов в страны юга; его описание содержится в рассказе о путешествии насамонов (знаменитом номадическом народе Ливии, тесно связанном с «хозяевами пустыни» — гарамантами, а по некоторым утверждениям, являвшимся частью гарамантского народа) в область пигмеев — чернокожих малорослых обитателей болотистых районов в областях тропического леса. В отличие от нильского сухопутный маршрут через пустыню знаком Геродоту не столь хорошо, и его точная протяжённость была ему неизвестна, но основные вехи и направление пути, а также красочные реальные детали свидетельствуют в пользу его достоверности. Насамоны начали своё путешествие от оконечности Египта в направлении мыса Солоент — крайней оконечности Ливии — и, двигаясь по побережью «северного» (Средиземного) моря, встречали живущих здесь эллинов, финикиян, ливиян и многие ливийские племена. Пройдя всю населённую область средиземноморского побережья, насамоны свернули к югу и вступили в землю, изобилующую дикими зверями, а затем, продолжая двигаться в южном направлении, попали в пустыню и шли по ней долго, пока не свернули к юго-западу (на зефир), в каком-то направлении шли очень долго. Наконец они достигли страны, где росли плодовые деревья, и которая была уже страной пигмеев, которые повели их дальше, через область обширнейших болот, пока не достигли они основной части страны пигмеев, живших на берегах большой реки, протекавшей в направлении с запада на восток; в реке водились крокодилы, а народ пигмеев весь состоял из колдунов (Herod. II, 32–33). Относительно большой реки, которой достигли насамоны, Геродот, ссылаясь на мнение Этеарха, полагает, что речь идёт о Ниле. Это свидетельствует о его знакомстве с той версией нильской теории, по которой истоки Нила отыскивали на западе.

Во времена Страбона маршрут по Нилу был уже освоен гораздо лучше. Рассуждая об Эратосфене, Страбон описывает течение Нила, известное в эту эпоху (Strabo XVII, 786). В целом маршрут по Нилу у него имеет протяжённость в 14500 стадиев, т.е. приблизительно 2300 км (1 стадий равен 158 м). От острова Мероэ до Дельты путь равен, по Страбону, 61 дню, что наглядно показывает улучшение условий путешествия и привычность к этому маршруту в сравнении со временем Геродота⁸⁰.

Позднее, в конце I в. до н.э. и на протяжении I в. н.э., значительно увеличилось количество походов по сухопутным транссахарским путям. К 20 г. до н.э. относится поход Корнелия Бальба против гарамантов вглубь пустынной зоны (Plin. N.H. V, 5, 26; 36); в 42 г. н.э. Светоний Паулин перешёл Атлас и достиг страны эфиопов (на западе) (Plin. N.H. V, 1); к 70 г. относится трёхмесячный поход Септимия Флакка, который, пройдя насквозь страну гарамантов (т.е. двигаясь через Сахару), достиг страны эфиопов (Ptol. Prolog. Geograph. I, 8); в 86 г. н.э. был предпринят поход Юлием Матерном, который, совершив путь продолжительностью в четыре месяца, добрался до таинственной Агисимбы, где обитали носороги (Ptol., *ibid.*). Все эти факты подтверждают знакомство греков, а затем и римлян с древними путями, соединявшими северное побережье Африки с субсахарским югом⁸¹.

Источники дают достаточно подробные сведения о римских походах и хозяйстве автохтонных жителей Ливии, чтобы с учётом археологических и иконографических материалов можно было с уверенностью сказать, что экспедиции через пустыню осуществлялись с использованием верховых и вьючных животных. Ливия славилась своими лошадьми, обладавшими быстротой и выносливостью. Гараманты — верховой народ, выращивавший во времена Страбона до ста тысяч лошадей в год (Strabo XVII, 835); с глубокой древности они использовали верховых лошадей и колесницы, запряжённые квадригами (на древних сахарских фресках и гравированных рисунках всадники на квадригах, скачущие «микенским» галопом, идентифицируются с гарамантами). Лошади издревле были основным средством передвижения по пустыне. Наряду с ними использовали, разумеется, и быков, которых можно было запрягать в повозки (об использовании повозок упоминает Страбон — XVII, 818), и количество которых в кочевнических районах Ливии, знаменитой своими многочисленными стадами, было неограниченно большим. О передвижении на лошадях с запасом воды фарусиев, пересекавших пустыню по пути в Мавретанию, пишет Страбон (XVII, 828). А о практике использования боевых колесниц (столь характерной примете гарамантского войска) другими африканскими народами он сообщает в связи с описанием фарусиев и нигритов, живущих выше западных эфиопов и использующих, как и эфиопы, луки и военные колесницы (XVII, 828).

Движущей силой контактов античного мира с Африкой, которые, как видно из источников, проходили в самых разных формах (от мирного со-

седства без особо тесного общения до военных столкновений, от торгового взаимодействия до тесного культурного общения как в самой Африке, так и в странах Средиземноморья), были отнюдь не только любознательность и познавательные интересы, но и практические, утилитарные потребности греков и римлян. С точки зрения экономической Африка всегда притягивала взгляды античного мира, видевшего в ней источник получения многих продуктов африканской природы и недр (плодов и растений, животных и зверей, золота и драгоценных камней и т.п.), а также выгодный рынок сбыта собственных товаров. Большая притягательность Африки в глазах греков заключалась в изобилии экзотических для восточного Средиземноморья плодов и товаров, пользующихся у них большим спросом. Наиболее экзотичные образцы флоры и фауны поставлялись из глубинных областей континента, что стимулировало греков и римлян к проникновению в них и ко всё более интенсивному изучению Эфиопии.

Среди наиболее редких африканских диких животных всегда были дикие звери, животные и птицы. О неугасающем и давнем интересе к ним свидетельствуют ещё изображения на кносских фресках и находки на Крите изделий из слоновой кости и скорлупы страусовых яиц. Ко временам Геродота пустыня уже подступила почти вплотную к средиземноморскому побережью, а времена «зелёной Сахары», когда в ней водились гиппопотамы, слоны и бегемоты, давно канули в прошлое. Эти животные остались только по другую сторону пустыни — в странах эфиопов, куда и стремились и греки, и римляне, не желая довольствоваться только услугами посреднической торговли, которую изначально осуществляли ливийцы (прежде всего гараманты), доставлявшие на побережье товары юга, а вглубь континента — античные.

Если большинство представителей африканской фауны добывалось для зоопарков и цирковых представлений, то африканские слоны использовались также в военных целях, и поэтому интерес к ним был особый. Известны специальные экспедиции для охоты на слонов, организовывавшиеся в Египте и Римской Африке. Геродот, во времена которого слоны уже давно были приметой областей Эфиопии, знал о существовании их в Западной Ливии у племён земледельцев (IV, 191), не говоря уже о том, что в Египте он сам видел много слонов и слышал, что в Верхнем Египте у эфиопов число их было огромно (III, 114), так что упоминание о том, что в качестве дани великому царю было преподнесено двадцать слоновых бивней (III, 97), особого удивления вызвать не могло. Из этих данных Геродота видно, что в его время слоны были и на востоке, и на западе Африки.

Страбон неоднократно свидетельствует, что охота на слонов была организована Птолемеями на всём протяжении Нила и по побережью Красного моря (Strabo XVI, 769; 770; 773), а в описаниях африканской фауны указания на слонов делаются при всяком удобном случае (XVI, 771; 774; XVII, 822; 826; 827). Как и Геродот, Страбон знает о слонах и на востоке, и на за-

паде, неизменно связывая их с эфиопами и считая «эфиопским» животным. Говоря о западных эфиопах, он упоминает и о том, что у них, как и на крайнем юге и у истоков Нила (XVI, 775), водятся носороги (XVII, 827), рог которых во всём древнем мире считался сильным афродизиаксом и целебным средством. Об охоте греков на слонов свидетельствует и одна надпись⁸², в которой говорится: «Во времена царя Птолемея и царицы, божественной Арсиной, и Филопатора, [в честь] Сераписа и Исиды, Лихас, сын Пирра Ахарнянина, стратег, отправил экспедицию на охоту за слонами».

Эти известия позволяют заключить, что охота на них производилась во внутренних районах континента, откуда они через посредничество гарамантов и других ливийских обитателей пустыни попадали на средиземноморское побережье, а затем и дальше.

В контексте рассмотрения источников, содержащих преимущественно материалы личных наблюдений и впечатлений, т.е. автопсийных по своему характеру, периплы заслуживают особого внимания, поскольку масштаб морского плавания позволял его участникам видеть гораздо больше разных регионов континента, пусть даже только по линии побережья без возможности углубиться внутрь страны, но зато на таких широтах, которые не были доступны при сухопутных экспедициях. К тому же имеющиеся в нашем распоряжении периплы охватывают период более, чем в восемь веков, что создаёт впечатляющую временную перспективу в истории античного мореплавания к берегам Африки. Поэтому представляется целесообразным сделать ещё несколько замечаний источниковедческого характера по поводу периплов.

Геродот знает и цитирует три перипла Африки: Нехо (IV, 42), безымянных карфагенян (IV, 43) и перса Сатаспа (IV, 43), кроме того, он говорит о Скиллаксе Кориандском, обследовавшем восточное побережье Африки (IV, 44). Два из дошедших периплов — Ганнона и Эритрейского моря — известны в самостоятельных рукописях; четыре других — Скиллакса, Артемидора Эфесского, Агатархида Книдского и Неарха — вошли в сочинения более поздних авторов. Нехо и Сатасп упомянуты Геродотом (IV, 42–43) и Плинием (V, 1), а периплы Эвтимена из Массилии и Эвдокса из Кизика известны только в форме аллюзий. Проблемы датировки, аутентичности, идентификации и локализации географических названий из текстов этих документов с реальными географическими и топографическими пунктами во многом трудно поддаются разрешению. Например, перипл Ганнона, на основании анализа языка и стиля некоторые исследователи считают вымыслом Геродота, соглашаясь считать аутентичным лишь самое начало текста⁸³.

Окончательного ответа на вопрос, совершено ли плавание Ганнона в конце VI в. до н.э. или позже, нет, так же, как не имеет точного решения вопрос, до какого пункта на юго-западном побережье он добрался — до Белого

мыса? до Сенегала? до подножия горы Камерун? до залива Биафра?⁸⁴ Сам Ганнон говорит, что он не мог идти дальше того места, куда дошёл, поскольку иначе не сумел бы вернуться назад⁸⁵. Исследователи приводят различные доводы в пользу той или иной гипотезы.

Проблемы аналогичного характера существуют и в отношении перипла Скиллакса: его оригинальный текст не сохранился, дошло лишь свидетельство Геродота. Можно предполагать, что, видимо, оригинал представлял собой компиляцию морских путеводителей от Понта Эвксинского до Адриатики, а отсюда — к побережью Африки. Датировка этого перипла, как уже говорилось выше, даётся различная, однако в грубом приближении можно считать его памятником IV в. до н.э., что подтверждается соответствием названных в нём примет побережья тому, что было известно в этот период; сведения же, в нём содержащиеся, уникальны и важны.

Если перипл Нехо даёт сведения обо всей Африке, то периплы Агатархида, Артемидора, Нearchа и Перипл Эритрейского моря — неоценимый источник для истории и этнографии Восточной Африки. Остальные периплы (Скиллакса Кариандского, Ганнона, Сатаспа, Эвтимена Массилийского, Полибия, Эвдокса Кизикского) относятся к средиземноморскому побережью и западноафриканскому, которое дольше всего оставалось малоисследованным греками.

Несмотря на достаточно прочное обоснование объединения под одной рубрикой всех периплов, более внимательное изучение показывает, что периплы могут представлять собой образцы различных жанров. Так, перипл Ганнона, дошедший полностью (в отличие от прочих, дошедших фрагментарно или в пересказах), представляет собой официальный отчёт об экспедиции, а не бортовой журнал. Это показывает его содержание. В течение всего похода, который длился, вероятно, более двух месяцев, в бортовой журнал должны были вноситься ежедневные записи со всеми многочисленными подробностями и деталями путешествия. Отчёт же должен был отразить основную цель экспедиции — основание новых городов на западном побережье Африки и разведка окрестностей вокруг этих пунктов. Это определило то большое количество топографических данных, которые имеются в этом отчёте: в сравнительно небольшом тексте названо более двадцати топонимов — названий городов, рек, островов, пунктов на местности, гор и т.п. Меньше подробных сведений содержится здесь о встреченных народах и племенах, которые называются и характеризуются, как правило, обобщённо: названы ливо-финикийцы, ликситы, троглодиты, дикие эфиопы (и просто — дикие). Вероятно, более подробные записи о контактах с племенами автохтонов и их характеристики содержались в бортовом журнале, а для отчёта часть из них и детали можно было опустить.

Вообще же данные перипла, несмотря на известную обобщённость, вполне естественную для наблюдателей, проводивших сравнительно не-

много времени на незнакомом берегу, дают общее представление и о людях, и о флоре, и о фауне нового для мореплавателей побережья. Так, отмечено присутствие горилл, слонов, крокодилов, гиппопотамов, лошадей и других не названных конкретно животных; фаунистические сведения даются достаточно избирательно: по-видимому, в соответствии с коммерческими интересами, особо отмечаются ароматические растения (розы и какие-то ароматические деревья), а прочее названо «дикими» деревьями.

Расстояния в перипле измеряются привычными днями пути, т.е. хронологически, а не топографическими мерами пути — парасангами и стадиями.

Проблемы датировки перипла Ганнона решаются, как правило, на основании анализа степени соответствия сведений источника тому уровню знаний, который был достигнут к соответствующему историческому времени, а также в результате изучения языка, стиля и соответствия идеологии источника реальным потребностям античного общества в конкретный период времени. Характер рассматриваемого источника даёт исследователям возможность относить его к концу VI в. до н.э.⁸⁶, однако одной из основных проблем перипла Ганнона остаётся определение крайней точки, до которой дошла экспедиция. Отталкиваясь от локализации описанной в источнике горы Theon Ochema (Θεῶν ὄχημα — ранее переводили «Колесница богов», сейчас — «Опора /столп/ богов», хотя некоторые исследователи склонны видеть здесь омонимичные названия двух горных вершин) и описания побережья, предлагаются различные локализации. Большинство склоняется к мнению, что речь может идти о горе Камерун и побережье Биафры⁸⁷, а А. Мер, руководствуясь анализом реального маршрута возвращения и уровнем имевшейся морской техники, считает, что этой последней точкой плавания был Гвинейский залив.

Одна из главных трудностей, препятствующих дать окончательную хронологию перипла Ганнона, состоит в том, что первоначальный текст был написан на пуническом (финикийском) языке, а Геродот пользовался греческим переводом в период, удалённый от времени создания оригинала почти на два века, что затрудняет и стилистическую интерпретацию, и саму датировку текста.

Периплы Нехо (VI в. до н.э.), Скиллакса (оплыв совершён в VI в. до н.э., но текст относится к IV в. до н.э.) и Полибия (145 г. до н.э.) известны только по их краткому пересказу. Особую ценность представляет древнейший из них — перипл Нехо. Несмотря на то, что Геродот не слишком верит в реальность экспедиции Нехо вокруг всего континента, он излагает этот факт, одновременно высказывая сомнение в его достоверности, ссылаясь на невероятность (для него) основного (для нас) аргумента, подтверждающего реальность этого оплыва: что мореходы видели восход солнца в конце их похода — справа.

При том что подробностей фаунистического, флористического, этнографического характера в этом перипле немного, некоторые географические детали подтверждают соответствие памятника уровню знаний VI в. до н.э., что позволяет рассматривать его как один из первых письменных источников по истории древнего мореплавания и в истории изучения Африки.

Перипл Скиллакса гораздо насыщеннее информативно, чем перипл Нехо: в нём много данных по флоре и фауне побережья (например, называются цесарки, львы и дельфины), приводится много названий городов, гаваней, рек, озёр и островов: названы реки — Ликс, Субур, Сала, Косенус, Масатат, Дарат, Пальсуе, Бамботус; гавани и города — Мулелаха, Рутубис, Рисадир; этнонимы — гетулы автотолы, скелатиты, масаты, эфиопы перорсы, фарусии, гетулы дариены; упоминаются и финикийцы и ливийцы, их города. Маршрут плавания совпадает с путём экспедиции Ганнона (от гор Атласа до Теон Охема), и в тексте называются неизвестные мысы, проливы и горы, встреченные на этом пути. Этот перипл даёт расстояния в днях плавания и шагах (например, до горы Барка — 1.631.000 шагов, что равно примерно 2000 км по побережью⁸⁸), что увеличивает его ценность, особенно поскольку много указаний на расстояния даются для завершающего этапа плавания. В частности, от Гесперид до границы известного мира — Теон Охема — названо общее расстояние в 10 дней и десять ночей плавания (хотя это указание чаще понимают как метафорическое выражение символического характера, означающее не конкретное измерение пути, а только обозначение очень далёкого расстояния). В любом случае перипл Скиллакса чрезвычайно важен для истории освоения греками западного побережья Африки: он ясно показывает рост знаний античного мира о самых удалённых районах континента и позволяет говорить, что они доходили по океанским дорогам примерно до экватора. Важно отметить и то, что называемые здесь этнонимы подтверждаются и другими античными источниками — Страбонем, Диодором, Плинием (кстати, река Бамботус, известная и Ганнону, по-видимому, Сенегал, а об эфиопах-фарусиях Страбон говорит, что это западные и южные эфиопы, что совпадает с заключением Плиния (VI, 35) о том, что географическая непрерывность Африки совпадает с непрерывностью этнической).

В целом по периплам (включая самый последний из них по времени — Перипл Красного моря) можно говорить, что крайними пунктами известной античности Африки были по восточному побережью пространства до Занзибара, а по западному — до горы Камерун.

В связи с экскурсом в жанры периегез и периплов и в целом затрагивая вопросы античной географии и путешествий, логично уделить внимание и проблемам картографирования и научного построения картины и карты мира.

Древние картографы в эпоху от Гомера до Геродота уже создали обобщённую картину мира и использовали картографическую технику, воспринятую из вавилонской и египетской традиций, для создания графического изображения обитаемого мира. Первые греческие карты приписывались Анаксимандру Милетскому (610–546 гг. до н.э.), который, по свидетельству Агафемера (Agathemeris, *Нуротур. Geogr. I, 1*), создал первую карту земли. Правда, Диоген Лаэртский утверждал, что не он один изобразил «периметр» земли и моря, но что он уже располагал глобусом, который в гораздо более поздние времена использовался Эратосфеном (о различных вопросах истории античной географии подробно рассуждает Страбон, особенно во II книге своего труда).

Повышенный интерес географов и историков к проблемам графического изображения картины мира, а также к его делению на континенты (части света) и вопросам границ между ними, демонстрирует уже Геродот (IV, 36), рассуждая о странности геометрической интерпретации вида земли или обсуждая трёхчастное деление земли на Европу, Азию и Ливию (IV, 42). При этом Геродот явно демонстрирует в своём труде, что знания греческого мира об Азии и Африке (Ливии) были гораздо более полными, чем представления о Европе (ср.: IV, 37; 44 — Азия; IV, 42–43 — о конфигурации Ливии; IV, 45; 49 и др. — Европа).

Сведения Геродота о частях земли ещё достаточно расплывчаты, хотя в общих чертах географические представления его времени соответствуют истине (например, суждения Геродота о границах Ливии и очертаниях континента — IV, 41; 42). Но главное в его общегеографических рассуждениях то, что он точно знает, что Ливия вся окружена морем.

Одной из принципиальных для Геродота проблем в этой научной области — вопрос о восточной границе Ливии, которая, по представлениям его времени, проходила по Нилу, что делало актуальным ещё один вопрос: к какой части земли — Азии или Африке — относить Египет?

В более поздней географической традиции сохранилось свидетельство, восходящее ещё к Анаксимандру, о генеалогии греческой картографии. В схолии к сочинению Дионисия Периегета, восходящей к очень ранней традиции (*Scholia ad Dionys. Perieget. — GGM II, p.428*), говорится, что авторами карт обитаемого мира были: первым — Анаксимандр, вторым — Гекатей Милетский, третьим — Демокрит, ученик Фалеса, четвёртым — Эвдокс.

Значительнейший вклад в историю греческой картографии внёс Дикеарх (около 320 г. до н.э.), которому принадлежит введение революционного по своему значению новшества, которое вызвало возникновение принципиально нового типа изображения мира — координатной (широтной-долготной) сетки.

В конце III — начале II вв. до н.э. Эратосфен, киренский грек, усовершенствовал широтно-долготный принцип Дикеарха и внёс изменения в

картографическую традицию, применив измерение меридианов и используя все новшества науки своего времени.

Гиппарху Никейскому (около 150 г. до н.э.) принадлежит заслуга введения нового принципа геометрической проекции и широтных измерений⁸⁹.

За скоростью оснащения географии математически точными методами не поспевала практическая наука, чьи познания о мире увеличивались не столь быстро.

Чрезвычайно точно и выразительно определяет характер и задачи географии великий географ Страбон: «Таким образом, подобно тому, как человек, измеряющий землю, заимствовал от астронома основы своей науки, а астроном свои — от физика, так и географ должен отправляться от того, кто измерил землю в целом, полагаясь на него и на тех, на кого в свою очередь тот положился, и затем представить сначала наш обитаемый мир, его размеры, форму и природу их отношения к земле в целом. Ведь это специальная задача географа. Затем он должен надлежащим образом сообщить сведения об отдельных частях обитаемого мира, о суше и море, замечая при том, в чём предмет был изложен неудовлетворительно теми нашими предшественниками, которые в этих вопросах наиболее заслуживают доверия» (Strabo II, 5, 4).

Свою картину мира Страбон описывает как имеющую форму хламиды фигуру, окружённую океаном (I, 5), причём, по его теории, северная часть земли (она помещалась, по его мнению, между 12 и 5 градусами северной широты) до экватора заселена людьми, а южная необитаема. Измерения также широко используется в этом завершающем большую географическую традицию античности произведении: так, от Родоса (по параллели) до Александрии даётся расстояние — 4000 стадиев, до Мероэ — 14000 стадиев, последняя параллель обитаемого мира расположена от Мероэ в 3000 стадиях в южном направлении (II, 132). Точные данные о размерах и расстояниях Ливии Страбон давать затрудняется, ссылаясь на то, что пустыни и другие препятствия затрудняют знакомство с этими странами (XVII, 839).

Страбон взял на себя задачу дать обобщение всех представлений античности о форме Ливии, по которым она имела всё же форму трапеции (I, 825; II, 130; XVII, 826), а разрешая проблему границы Ливии с Азией, проводит её по Красному морю, включая сюда и Аравийский залив и окончательно решая вопрос о принадлежности Египта в пользу Африки (I, 24).

Задача измерить африканский материк во времена Геродота ещё даже не ставилась в силу малой изученности Африки и недостаточной теоретической готовности к ней античной науки. Но уже географы-математики прилагали немалые усилия, чтобы её решить. Эратосфен, например, подсчитал, что расстояние от Александрии до страны корицы — последнего предела ойкумены, которую греки помещали на крайнем юге континента, — со-

ставляло 13 400 стадиев, т.е. около 2100 километров; почти тот же результат получил в своих вычислениях Гиппарх — 13 000 стадиев. Расстояние с востока на запад, по Эратосфену, составляло от Канопа (или от устья Нила) до Столпов Геракла 21 500 стадиев, что равно примерно 3400 километров. Таким образом, площадь трапеции, в виде которой представляли форму Ливии, равнялась 3400 помноженные на 2100 кв. км⁹⁰.

Современные локализации страны корицы древних помещают её примерно на уровне 10 градуса северной широты, что на современных картах попадает на территорию Сомали. Город Канопа расположен на 32 градусе северной широты, т.е. удалён от страны корицы на расстояние 2222 км, что поразительно близко соответствует данным Эратосфена и подтверждает точность и информированность античных географов в целом.

Рассмотренные сюжеты позволяют сделать вывод о том, что знания античного мира об африканском континенте в целом были достаточно обширны, а в некоторых случаях и точны. Однако южные области Африки, собственно античная Эфиопия, были из-за труднодоступности известны мало и фрагментарно, хотя в течение времени постоянно расширялось знакомство с восточным и западным побережьями, а также отдельными внутренними районами континента. Этому, в частности, способствовал постоянный интерес к изучению проблемы истоков Нила, для чего совершались многочисленные экспедиции в разные регионы Африки. Знакомство с населением внутренних районов Африки (вплоть до римского времени) происходило или на территории Египта и средиземноморских стран Ливии, или через посредников (чаще всего гарамантов или египтян) косвенным путём. Прямые контакты со странами Эфиопии относятся лишь к рубежу I тыс. н.э., периоду расцвета Римской империи.

3. РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: ИЗВЛЕЧЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ СВЕДЕНИЙ О ПРИРОДЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ АНТИЧНОЙ ЭФИОПИИ

Рассмотрение всей совокупности сведений древнегреческих письменных источников позволяет не только увидеть, каков был уровень знакомства античного мира с Африкой южнее Сахары, но и получить пусть эскизное (хотя в зависимости от полноты информации иногда даже располагающее некоторыми яркими и достоверными деталями) изображение древнего периода истории огромной и малоизвестной негрской Африки. Учитывая бесписьменный характер древних африканских цивилизаций, все данные античных источников, даже опосредованные и смутные, являются уникальным материалом, с помощью которого удаётся с известной достоверностью